

Невежество, злая воля или эволюция?

Вместе с житейскими суждениями по поводу развития событий в мире существует множество критических исследований тех или иных заблуждений, в которые впадало человечество в поисках своего благополучия. И, как правило, обнаруживаются виновные – будь то церковь, просветители, атеисты, бэконисты, картезианцы, социалисты и так далее. Это приводит к возникновению противоположных этим движениям убеждений и – к появлению новых виновных. Но можно посмотреть на такого рода исторические сдвиги и как на процесс эволюционный.

Время от времени человек действительно создаёт себе ситуацию выбора. И затем, совершая его, ошибается. В зависимости от масштаба альтернатив, расплата может затянуться на столетия. Но похоже, что разрешается дело вновь на эволюционном уровне.

В основе последующих соображений лежит мысль о том, что не только само Мироздание сотворено с потенциальностью к совершенствованию, но что в нём заложены законы или механизмы, такому совершенствованию способствующие. Единственным же агентом, способным его осуществлять, является человек.

Судьбы интеллекта

Некоторые из недавних исследований свидетельствуют, что понижается интеллект человечества. И есть предположение, что это происходит потому, что люди с высоким интеллектом отличаются меньшей фертильностью. Вообще-то «интеллект человечества» – понятие весьма условное и мало что объясняет. Диапазон развития интеллектуальных способностей у людей так широк, что определять его средний уровень арифметически означало бы сильно унижить человечество, при том, что в целом оно вроде бы совершает некоторый прогресс. Так что следует уточнить, что высокая фертильность людей с низким развитием не снижает интеллект человечества, а меняет пропорцию, то есть долю развитого разума в общем интеллектуальном уровне. Рано или поздно эта пропорция может конечно исказиться до неразумной величины. Но тогда возникает вопрос об оптимальном, наиболее полезном для Мироздания соотношении.

Явная расточительность природы, заложенная в исходной идее Творения, указывает на избыточность, по-видимому необходимую для успешной эволюции на ранних этапах с большим количеством фатальных ошибок и биологической уязвимостью видов, задерживающей размножение. Возможно, позднее, по мере успешного развития медицины и гигиены и роста населения, этот механизм утрачивает своё положительное значение и становится помехой в дальнейшей эволюции. Быстрое увеличение числа тех, кто «несёт ложку в ухо», их изобилие и массовая непродуктивная активность начинают затруднять участие высокого интеллекта в общем развитии и угрожать благополучию всей системы. Естественные средства сдерживания роста населения – стихийные бедствия, голод, эпидемии, войны – эффективные до поры до времени, более не справляются со своей задачей. И тогда механизм, ориентированный на избыточность, принимает на себя новую функцию. По-прежнему ускоряя рост более фертильной и интеллектуально неразвитой части человечества – то есть, в новых условиях наименее полезной для общего развития, этот механизм направляет её к вырождению – на биологическом уровне расширяя невежество, а на социальном, из-за её активной и вредной деятельности – к самоуничтожению.

Если вы склонны с большим доверием относиться к мудрости мифологической, есть несколько аллегорий, связанных с периодическим очищением человечества, но

заметьте, что ни в одной из них не говорится о полном уничтожении. И миф о Вселенском потопе, и сожжение Содома и Гоморры, свидетельствуют, что замысел Творения прочно связан с сохранением наиболее достойных представителей – будь то всего лишь семейство Ноя. Более поздние и не столь кровавые традиции утверждают, что кого Господь хочет погубить, он сначала лишает разума. Это тоже вполне укладывается в гипотезу о падении интеллекта, и всё же остаются те, кого Вселенная губить не собирается.

Что касается перспектив выживания, стоит иметь в виду, что даже один процент населения земли в настоящий момент составляет 80 миллионов. Доля высоко интеллектуального человечества, как бы она ни отставала в росте, по-прежнему существует и расти продолжает. Вряд ли она ограничивается всего одним процентом. Для сравнения: за восемь тысячелетий до Рождества Христова население земли составляло пять миллионов, а в начале новой эры – всего триста.

Скрытая природа

Что касается ситуации выбора, перед которым время от времени оказывается человечество, то запоздавший анализ осложняется тем, что выбор делают одни, а расплачиваться приходится всем, и даже будущим поколениям.

Если взглянуть на этот феномен повнимательнее, можно увидеть, что к тому или иному выбору склоняют некие горячие энтузиасты. Это особая порода злых гениев, которому человечество обязано большинством испытываемых им несчастий. Но ведь людям вольно и не прислушиваться к ним. В одиночку же они ни на что не способны. Возможно и этот «яд Земли», неосознанно играет особую роль в эволюционном процессе.

Как ни удивительно, рано или поздно люди умудряются избавляться от влиятельных проходимцев. И столь же удивительно, что мир продолжает их рождать. Трудно поверить, что в таком бесконечном испытании состоит смысл Творения. В любом случае, у сторон должна быть какая-то цель, помимо простого противостояния.

Можно допустить, что агрессивная сторона не способна вообразить иной цели, кроме обретения всемогущества. Поскольку она неизменно встречает сопротивление, достижение этой неосуществимой цели целиком её поглощает и избавляет от нужды искать иного смысла такой власти. Другая же сторона – совокупное большинство – не разделяет подобного стремления, хотя бы из-за его бесполезности. Возможно, и у неё нет ясного представления о цели, но есть инстинктивное убеждение, что никакая достойная цель не требует в качестве предварительного условия – всемогущества. В конце концов, ни один из представителей того вида, который жаждет влияния и власти, не продемонстрировал каких-либо впечатляющих результатов своей деятельности даже там, где им были предоставлены почти неограниченные возможности.

Но представим себе, что существование и непонятное воспроизводство этой вредной доли человечества – не ошибка Творения, а явление всё ещё продолжающейся эволюции, где этот тип выполняет функцию безразличной к человеку и временами опасной природы.

Достигнув уровня *homo sapiens*, эволюционный процесс усложнился, переложив часть своих задач на самого человека. Если в предыдущий период стимулирующую роль играли только перемены в окружающей среде, а усовершенствование видов было вынужденным, теперь окружающая среда больше не угрожает нам непосредственно, её тайны приходится обнаруживать с помощью изощрённого познания, и судьба нового вида оказалась в большой степени в его собственных руках. Простейшим примером служит открытие цепной реакции ядерного распада.

Такой же неизвестной прежде формой опасной среды может оказаться присутствие среди нас особого типа людей, одержимых, условно говоря, мессианскими идеями. И тогда человеку надлежит его изучить, чтобы найти способы себя защищать – как это ему удалось сделать в отношении простой природы. В таком случае не следует заблуждаться, ища в действиях этих людей злостных намерений и надеяться, что их удастся удержать с помощью убеждения, то есть – общения на человеческом уровне. Сложность в том, что они выглядят и во многих отношениях ведут себя, как мы, пользуются небольшим набором известных идей и создают впечатление общности, которой на самом деле нет.

Суть потенциально опасных явлений природы заключается не в них самих, а в силах, которые стоят за ними. Разгадав природу молнии, можно использовать открытие электричества для множества полезных вещей. Это не избавит от необходимости укрываться от грозы, но наведёт на мысль строить громоотводы или разгонять облака.

За манией величия и власти вероятно стоит не изъян, а некая функция мозга, столь же органичная, как и физиологическое устройство человеческого тела. Я бы рискнул сравнить этот механизм с другим, который позволяет впасть в пагубную зависимость от наркотиков или алкоголя. Возможно, это природное приспособление необходимо, чтобы среди нас рождались государственные деятели – трудная роль, которая вовсе не каждому приходит в голову. Разница в том, что у маньяков этот механизм от рождения находится на взводе. Достаточно какого-то житейского пустяка, чтобы у ничем не примечательной персоны, ещё не доросшей до обычного человеческого уровня, он заработал в полную силу. Спрашивать: зачем существует эта функция – так же нелепо, как спрашивать: зачем нужна молния или вирусы, цунами, вулканы. Это просто явления низшего порядка, демонстрирующие некую закономерность, часто обещающую новое знание, а до тех пор требующую осторожности. Но в любом случае – и вопреки распространённому убеждению – этот феномен не заслуживает звания злой человеческой воли. И обращаться с ними следует соответственно.

Что было бы намного проще, если бы это безличное явление не обладало человеческой личиной и не напоминало поведение наших собратьев. Те, кто по недомыслию становятся сторонниками таких маньяков, своим участием в их начинаниях придают им видимость осознанных человеческих проявлений и увеличивают их влияние, хотя в конце концов сами становятся жертвами неосторожного обращения с безразличной к ним, опасной силой.

Можно ли с ней совладать? Наверно можно, если отчётливо сформировать образ этого типа людей, как принадлежащих в большей степени к неодушевлённой природе, чем к человеческому сообществу. Но для этого необходимо терпеливо изучить характерные особенности, которые, если как следует присмотреться, повторяются у всех этих одержимых.

Неизбежно возникает подозрение – не слишком ли такой взгляд напоминает злополучные идеи евгеники.

Приходится употреблять такие слова, как категория или тип, но во всей истории человечества чистых злодеев было всего может быть несколько сотен. И отличаются они не внешними признаками. Если говорить о тех их качествах, которые уже известны, то это прежде всего безразличие к человеческой жизни. Для них этот предмет остаётся на уровне инстинкта – поскольку и сами-то они принадлежат в основном животному миру – и они неспособны это своё равнодушие скрыть. Часто оно выражается в их речи, в резких выражениях, которые мы склонны принимать за метафоры, тогда как они говорят именно то, что думают. Ничто связанное с эстетикой им не свойственно, так что и понятие

метафоры незнакомо.

Если кандидат в президенты, полагая, что пользуется риторикой, заявляет, что может застрелить прохожего на Пятой авеню, и это не уменьшит его популярности среди избирателей – его слова следует принимать за чистую монету. Они буквально означают, что его будущее президентство приведёт к гибели людей и массовым страданиям. Пропустив мимо ушей эту «риторику» и склоняясь впоследствии под бременем его власти, мы можем винить только самих себя за глухоту и неразборчивость. Ребёнок, грозящий убить соперника в игре, не знает, о чём он говорит, потому что ещё не стал в полном смысле человеком и не располагает средствами для исполнения своей угрозы. Впрочем, глухие родители вполне способны по неосторожности вложить в его ручки огнестрельное оружие, и тогда он убьёт сестру или брата, или учительницу. К взрослому, повторяющему инвективы ребёнка, нельзя относиться с иронией. Это аномалия – отсутствие у индивидуума важной человеческой сущности, что подобно смертельному заболеванию. Только гибель в этом случае грозит прежде всего не ему самому, а окружающим.

Наверно есть другие признаки – мы ведь всерьёз никогда не занимались изучением их, как особого явления. Но речь идёт не о разделении человечества по каким-либо внешним признакам, не о селекции. Твёрдо зная, с кем имеем дело, мы были бы вправе ограничить этим людям доступ к некоторым сферам деятельности. Нас ведь не смущают уже существующие повышенные требования к некоторым профессиям – охране общественного порядка, например, или медицине. Наверно к ним следует добавить политику и судебную систему. Человечество более или менее научилось осторожному обращению с наркотиками без того, чтобы пытаться просто их уничтожить, что было бы глупо, так как они служат основой некоторых лекарств.

Но до тех пор пока мы видим в них своих полноправных соотечественников, мы вынуждены с удивлением наблюдать, как они обзаводятся увлечёнными сторонниками, и дальше иметь дело с общественной движущей силой, в которую превращаются их маниакальные идеи, и тратить много сил на разоблачение этих порочных идей. Но после того, как идея превратилась в движущую силу, она ускользает из полемиического поля, её уже не одолеть с помощью новой идеи. Поражение ей может нанести только другая сила, даже если за ней не стоит никакой идеи – чем обычно и кончаются судьбы злых гениев. Какими жертвами всё это оборачивается для людей, хорошо известно.

Такую эволюционную задачу нам, возможно, предстоит осуществить – убедиться в существовании этой, пока ещё не осознанной нами природной опасности. А затем требовательнее относиться к тем, кого мы выбираем в качестве лидеров.

И наконец – о самой идее лидерства, в которой никому, как будто не приходит в голову сомневаться.

Доктрина неведения.

Не очень понятным образом сложилась ничем не оправданная парадигма существования, которая сводится к тому, что человек не знает, что ему надлежит делать – за исключением немногих действий, необходимых чтобы удовлетворить естественные физиологические потребности,

Оказавшись в окружении природных сил, намного превосходящих его собственные, он усвоил довольно невзрачное представление о самом себе. В дальнейшем это представление всемерно укреплялось разного происхождения земными властителями, которые навязывали людям определённое поведение, исходя из собственных интересов,

воспроизводящих, по существу, те же физиологические потребности, но в невероятно расширенном и изощрённом виде.

Человек в общем-то не возражал против послушания, поскольку не брался вообразить себе какие-либо другие побуждения. Но из-за присущего ему своеволия предписания, установленные его же собратом, казались недостаточно правомерными. И тогда он придумал себе другого, неземного общего властителя с требованиями которого было легче примириться, поскольку они носили сверхъестественный характер. Требования эти оказались весьма разнообразными, в зависимости от различий в новой, явившейся в мир породе религиозных толкователей. Так впервые возникла мысль о том, что можно сочинять предписания о надлежащей человеку деятельности.

Позднее это повальное отсутствие инициативы утвердилось в новой форме, благодаря развитию конкурирующей с религией области знаний, которые придали природным силам якобы более прогрессивное значение в образе мироздания, как гигантского механизма, управляемого собственными законами. Человек, как часть этого механизма, вновь освобождался от поисков своего отдельного и самостоятельного предназначения.

Претерпела значительное развитие и идея о сочинении предписаний. Теперь они уже не ограничивались общими установками сверхъестественного происхождения, но распространились на все практические сферы жизни и самое увлекательное применение нашли себе в области общественного устройства. Наряду с религиозными авторитетами стали появляться устроители общества, которые знали и могли разъяснить людям, что им следует делать. И человек вновь, с большим или меньшим усердием был готов следовать этим рекомендациям, повторяя вслед за устроителями ошибку за ошибкой и испытывая все тяготы и страдания, диктуемые ошибочной парадигмой существования.

Ложь этой Доктрины неведения заключается в изначальном недоверии человека к самому себе. Его истинный образ не предполагает внешних побуждений, за исключением немногих запретов, которые призваны удерживать человека в его человеческом естестве. В мифологии это естество получило название праведности – единственного свойства, дающего человеку право на выживание. А единственным способом выразить его практические руководящие принципы, была отрицательная лексика, язык запретов.

Иначе и быть не может. Потому что нельзя предписывать человеку, что ему следует делать – он может делать всё, к чему побудит его творческое сознание. Но чтобы при этом остаться в пределах праведности, он обязан ограничить себя в некоторых проявлениях.

Ближе всего к этому своду ограничений подошли десять иудейских заповедей. Но рождены они были в рамках религиозной веры. И даже в пределах одной религии затерялись среди множества других, слишком временных и быстро лишавшихся смысла предписаний. А при дальнейшем расширении общей практики инструктирования, человек продолжал прислушиваться к самым разным назиданиям, и Заповеди остались частным случаем множества предписывающих систем. Их всеобъемлющее значение не обрело силы единственного необходимого руководства.

Семь из них являются изложением прямых запретов. Три смягчают форму запрета иносказанием.

Из этих трёх первая – «Я Господь, Бог твой...» – по существу является общим заглавием и повторяет вторую, которая есть прямой запрет: «Не сотвори себе кумира» и отвергает сомнения в едином Творце. В сущности, запрещает праздный и суетный поиск других богов.

Другая (Четвёртая по счёту) – «Помни день субботний, чтобы святить его...» – в увещательной форме требует не забывать о необходимости отвлекаться от практических забот. То есть, запрещает подчинение ежедневной рутине и полное погружение в земные дела и напоминает об требовании постоянно возвращаться к размышлениям.

И третья (следующая по счёту) – «Почитай отца твоего и мать твою...» – опять-таки в форме практического совета запрещает какие бы то ни было враждебные действия по отношению к родителям.

Остальные запреты просты и не допускают никаких иных толкований: не суесловь, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лги и не желай имущества ближнего твоего. Можно ли представить себе разумное человеческое существо, которое взялось бы оспаривать справедливость хотя бы одного из этих требований?

Удерживающийся от этих крайностей человек не нуждается в дальнейших инструкциях. Он сам способен, побуждаемый даром творчества во всех областях жизни, ставить цели мирозидания и их осуществлять.

Такие люди существовали всегда и существуют сегодня. То, что они не стали большинством, объясняется как раз господством Доктрины неведения. И, в соответствии с ней – слабым представлением об определяющей роли запретов. Мы по-прежнему тратим все свои силы, изобретая способы организации жизни, и обречены совершать ошибку за ошибкой, потому что решаем неверно поставленный вопрос. Мир, каким он сотворён, не предусматривает организационного единообразия.

Если у общества и есть организующая функция, то заключается она не в формировании и достижении целей, а в утверждении безусловной власти нравственных запретов и в создании механизма, который – пока остаётся в этом необходимость – непрерывно поддерживает такую власть.

В остальном человечество вполне способно позаботиться о себе и своём будущем.

До сих пор существуют общины – мусульмане, хасиды, амиши, которые строже всех остальных следуют подобным запретам. Как правило, они придерживаются и других, внешних ограничений – в одежде, внешнем виде, использовании технических достижений.

Общины приписывают этим признакам символический смысл, связанный с их верой, но на самом деле это всего лишь психологический приём, простейшие, легко исполнимые практические обязательства, помогающие поддерживать непрерывную память о высших требованиях, которые существуют вне каких-либо внешних примет.

Возможно, нам нужен какой-то вспомогательный ритуальный механизм, постоянно напоминающий о необходимости оставаться человеком – по крайней мере до тех пор, пока нам намного легче ограничить себя в одежде, чем удержаться от лжи. Критически высокомерное отношение прогрессивного мира к подобным «архаизмам» свидетельствует о продолжающейся власти Доктрины неведения – и о психологической неразборчивости, неспособности увидеть за внешними приметами отчаянную попытку сохранить верность основному закону Вселенной.